

Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого:
В 90 тт. Том 38. С. 426 – 432. Подготовка текста: Р. Алтухов.

Поводом к этой статье послужило письмо, полученное Толстым 9 сентября 1910 г. от редакции чешской газеты «Mladé Proudy», в котором редакция писала о преследованиях» которым подвергается чешская молодёжь партии народных социалистов (см. том 58 прим. 1377, стр. 524— 525). В этом же письме сообщалось, что эта молодёжь задумала издать «Книгу для чтения» со статьями «социалистическими и народно-экономическими», в которой просят Толстого принять участие.

В Дневнике Толстого от 26 сентября 1910 г. есть запись: «Начал писать Чешским юношам». Затем — запись от 1 октября: «Немного пописал о социализме для чехов». Записи о работе над статьёй продолжают в течение всего октября. Толстой недоволен ею: «Поправил о социализме. Пустая статья» (8 октября), «Опять поправлял о социализме. Всё это очень ничтожно» (13 октября), «Опять поправлял о социализме. Пустое занятие» (14 октября), «Поправлял о Социализме, но скоро почувствовал слабость и оставил» (16 октября), «Пробовал продолжать о Социализме. И решил бросить. Дурно начато, да и не нужно. Будут только повторения» (21 октября). Работа, однако, продолжалась (23, 24, 25, 26, 27 октября). После своего ухода из Ясной поляны в ночь с 27 на 28 октября, Толстой продолжал интересоваться этой своей статьёй. Так 30 октября уже в Шамардинском монастыре записано: «Читал Новосёловскую философскую библиотеку. Очень интересно: о социализме. «Моя статья о социализме пропала. Жалко. Нет, не жалко» (см. т. 58, стр. 125 и 573). Начатую рукопись «О социализме» Толстой желал получить после своего ухода. Об этом он писал 31 октября, т. е. в день своего заболевания, В. Г. Черткову. Рукопись сразу не могли найти. Её нашли уже после смерти Толстого в одном из ящиков письменного стола в яснополянском кабинете Толстого. См. об этом: В. Чертков, «О последних днях Л. Н. Толстого», изд. Сытина, М. 1911, стр. 9.

Следует отметить, что (если не считать письма к К. И. Чуковскому — -«*Действительное средство*») «О социализме» — последняя статья Толстого. Она осталась ненапечатанной и публикуется в настоящем издании впервые.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

О СОЦИАЛИЗМЕ

(1910)

426

Вы желаете, чтобы я написал для вашей книги статью, касающуюся социальных и экономических вопросов, т.е. о том, в какую, по моему мнению, наилучшую с экономической точки зрения форму я желал бы, чтобы сложилось или должно сложиться современное общество. Желания вашего я никак не могу исполнить, во-первых, потому, что не знаю, не могу знать и думаю, что никто не может знать ни тех законов, по которым изменяется экономическая жизнь народов, ни той наилучшей формы экономической жизни, в какую должно сложиться современное общество, как это думают знать социалисты и их учителя, а во-вторых, ещё и потому, что если бы я и воображал себе, что знаю законы, по которым движется человечество в своем экономическом развитии, а также и ту наилучшую форму экономического устройства, в которую оно должно сложиться, как это думали и думают все социалистические реформаторы от Сен-Симона, Фурье, Оуена до Маркса, Энгельса, Бернштейна и других, я бы никак не решился бы сказать это. Не решился же бы я сказать этого потому, что имеющие в будущем сложиться экономические формы жизни человеческих обществ, по моему несомненному убеждению, так же мало могут быть предвидены и определены, как и будущее положение каждого отдельного живого человека, и что поэтому все эти вымышленные людьми законы и на основании этих законов предполагаемые различными людьми различные наилучшие устройства обществ не только не содействуют благу людей, но составляют одну из

главных причин того неустройства человеческих обществ, от которого теперь страдают люди нашего времени.

Думаю я так потому, что человек может находить и устанавливать посредством наблюдений и рассуждений законы движения небесных тел, жизни растений, а также и животных, но никак не может подводить свою жизнь и жизнь себе подобных существ, обладающих разумом и волею, под законы, выведенные из наблюдения над внешнею жизнью

427

человечества, не принимая во внимание тех особенных свойств разума и воли, которыми обладают только люди. Делать это всё равно, что отыскивать и определять законы жизни животных, обладающих способностью произвольного передвижения, внешними чувствами и инстинктом, на основании законов, выведенных из наблюдений над мёртвым веществом или хотя бы над растениями, не обладающими свойствами животных.

Правда, человек может спуститься и спускается до степени животного и тогда подлежит законам животной жизни и даже мёртвой материи, но в общих своих проявлениях человек всегда был и есть существо, отличающееся от всех других существ животного и вещественного мира, ему одному свойственным разумом и свободною волею. И потому жизнь его всякая, и семейная, и общественная, и политическая, и международная, и экономическая складывается, складывалась и должна складываться никак не на основании выведенных из наблюдения общих объективных законов, провозглашаемых разными теоретиками в политическом устройстве народов и в области экономической разными Марксами, Энгельсами, Бернштейнами и т.п., а всегда только на основании совершенно другого, одного для всех людей

закона жизни, провозглашённого с древнейших времен и браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марком Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эмерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества. Религиозно-нравственный закон этот, определяя все проявления жизни человеческой, и семейные, и общественные, и политические, и международные, определяет в том числе и экономические, определяет их совершенно иначе, чем это делают все политические, международные, общественные и социалистические учения. Различие это заключается во-первых в том, что тогда как все объективные законы и выведенные из них учения, по которым должны быть устроены человеческие общества, бесконечно разнообразны и противоречат одно другому; религиозно-нравственный закон в своих главных основах, хотя бы в том, признаваемом всеми людьми и всеми религиозными учениями положении о том, что всякий человек не должен делать того, чего себе не хочет, религиозно-нравственный закон – один и для всех людей один и тот же. Различие это, во-вторых и главное, заключается в том, что тогда как все политические, международные, общественные, а также и социалистические учения предрешают те формы, в которые будто бы должна сложиться жизнь людей, и требуют от людей усилий для достижения именно этих, вперёд определённых форм, религиозно-нравственный закон, не предрешая никаких форм жизни, ни семейной, ни политической, ни

международной, ни экономической, требует от людей только воздержания во всех областях жизни от поступков противных этому закону, одним исполнением этого закона достигая всего того блага, которое тщетно обещают все политические, а также и социалистические учения.

Различие это подобно тому, какое было бы между двумя артелями работников, приставленных хозяином к одному и тому же делу – положим, к земляным работам для проведения дороги. Работникам даны орудия для работы и приказано ровнять по проложенным линиям землю, но не сказано, для чего именно предназначена работа. Одна из двух артелей, составленная из людей горячих, легкомысленных и потому самоуверенных, не будучи в состоянии понять, для чего предназначена работа, находит, что указания, данные хозяином, неясны, неопределённые и едва ли к чему-нибудь пригодны, и для того, чтобы придать смысл своей работе, люди этой артели придумывают более определённую цель. Одни решают, что вместо того, чтобы ровнять без всякой видимой им цели землю, разумнее будет копать гряды для посадки капусты, другие же, что ещё лучше будет копать землю в глубину для отыскания клада или золота, третьи же предполагают, что полезнее было бы копанье пруда или колодца и на это направляют свои силы. Делая же не то, что предписано хозяином, а сами придумывая цели для своей деятельности, работники ссорятся между собой, мешают друг другу и не только не делают того, что могли бы сделать и что нужно для их же блага, но ещё и портят свою жизнь теми раздорами, которые неизбежно возникают между ними. Так поступают люди, предпрещающие кажущиеся им наилучшие формы общественной, политической, экономической жизни и полагающие свои силы на осуществление этих форм жизни. Люди же, следующие религиозно-нравственному закону, подобны тем разумным работникам, которые, делая то, что предписано им хозяином, вполне уверены, что из исполнения ими воли хозяина ничего, кроме добра во всех отношениях, для них не может выйти.

Казалось бы, так просто, так естественно, так свойственно разумному существу – человеку руководиться в своей короткой, всякую минуту могущей быть оборванной жизни тем общим религиозно-

нравственным законом, который живёт в душе каждого человека и который выражен и признаётся всеми великими религиями человечества, а никак не теми взаимно противоречивыми требованиями осуществления признаваемых людьми наилучшими форм жизни, достигаемых всегда только нарушениями требований нравственного закона. А между тем с древнейших времён совершалось, совершается и теперь и считается необходимым это самое нарушение религиозно-нравственного закона для осуществления и под-

429

держания того или иного устройства жизни, считаемого теми или другими людьми наилучшим. Все правительства, от самых деспотических до самых либеральных, все революционные партии, все коммунисты, социалисты, всех возможных оттенков проповедают и делают это. Отчего это? А от той общей причинны тех бедствий, которые сами себе наносят люди, от суеверия. Подчиняясь этому суеверию, люди придумывают себе какие кому более нравятся цели – то государственные, то патриотические, то социалистические, то коммунистические, то анархические, и вместо исполнения своего истинного назначения и приобретения предназначенного всем блага, направляют все силы свои на устройство жизни других людей и, как и не может быть иначе, достигают не только не ожидаемого блага, но всё большего и большего упадка нравственности и всё большего и большего ухудшения своей жизни. Все войны, все казни, все революции, все ограбления трудящихся нетрудящимися, все общественные бедствия зиждутся только на этом суеверии. В сущности ведь это не может быть иначе. Ведь как только я верю, что могу знать то лучшее устройство жизни, в которое могут сложиться люди, то и не имею никакой другой кроме лично эгоистической цели в жизни.

Укажу хоть на один пример. Социалистическое учение требует, чтобы произведениями труда пользовались трудящиеся. Но кто же отнимает у трудящегося его труд? Капиталисты. Кто же дает капиталистам возможность отнимать у трудящегося его труд? Власть. Власть же – это полиция, войско. Войско же и полиция составлены из тех самых людей, у которых капиталисты отнимают их труд. Зачем же эти люди делают это, сами у себя отнимают произведение своего труда? Затем, что они обмануты. Стало быть, всё дело в обмане. Что же проповедают социалистические учения для того, чтобы избавиться от этого обмана? Всякого рода соединения во имя выгод рабочих: кооперации, стачки, распространение социалистических учений. Но разве все эти меры могут уничтожить тот обман, посредством которого одни люди находят нужным обманывать других, а другие подчиняются этому обману? Допустим, что одни устроители общества, пускай это будут социалисты, будут в состоянии предписывать законы, которым должны будут подчиняться капиталисты и всякие собственники. Но ведь никогда не было и не может быть, да и не будет того, чтобы устроители общества пришли бы к одному признаваемому всеми наилучшему устройству общества. А как скоро не будет такого согласия, необходимо будет (как оно всегда и было, есть и теперь) употребление власти, т.е. насилия одних людей над другими. Для того же, чтобы было насилие, необходимо, чтобы продолжался тот самый обман, вследствие которого люди насилуют

430

самих себя по воле тех людей, какие в данное время имеют власть.

Власть же для того, чтобы быть властью, должна поддерживать этот обман всякого рода обманами и жестокостями, направленными против обманутого

народа: она должна иметь тюрьмы, даже казни, должна иметь полицию, войско, т.е. людей, без рассуждения обязанных исполнять приказанное до убийства включительно. А разве возможно предположить, чтобы при обязательности, *conditio sine qua non* [лат.: необходимом условии] такой деятельности, какая бы то ни была власть могла содействовать благу народа?

Что же нужно сделать для того, чтобы люди перестали подчиняться этому обману, перестали бы насиловать самих себя? Очевидно, есть только одно средство: соединение всех людей в одном общем всем законе жизни, из которого вытекало бы и устройство общественной жизни. И закон этот есть и сразу уничтожает ту главную причину существующего зла, заключающегося в обмане, вследствие которого люди насилуют самих себя и дают возможность капиталистам отнимать у работников произведения их труда. Только следуя человек религиозно-нравственному закону, не допускающему насилия человека над человеком, ни какого бы то ни было участия в таком насилии, и насилии, главная причина несправедливого экономического устройства жизни, само собой уничтожается.

«Да, но ведь это было бы так, если бы все люди отказались от участия в насилии. То же, что один человек откажется от уплаты податей, от солдатства, что же из этого», - скажут на это. Но ведь он отказался не потому, что ему это выгодно или невыгодно. Отказался он от участия в насилии над людьми – платили податей или военная служба – не потому, что он хочет достигнуть этим какой-либо цели, а только потому, что он сделал тот вывод, который не может не сделать ни один человек из того, если не религиозного, то нравственного закона, который каждый исповедует и без признания которого жизнь человека станет жизнью ниже животной.

И потому важно не количество отказавшихся от участия в насилии людей, а важно то, во имя чего

отказываются люди. И потому один отказавшийся несравненно могущественнее всех тех миллионов людей, которые будут мучить, держать в тюрьме, казнить этого одного отказавшегося.

И поступок его значительнее, богаче последствиями всех возможных парламентских речей, конгрессов мира, социализма и всех этих забав и средств скрывания от себя

431

истины. И правительства и капиталисты очень хорошо знают это. Знают это чувством самосохранения и везде, в Японии даже, запрещают книги, провозглашающие эту простую, всем известную правду, и сажают в тюрьмы тех людей, которые в жизни своей исповедуют её. Правительства и капиталисты знают, где угрожающая им опасность. Не могут не знать, потому что в этом для них вопрос жизни и смерти. Вопрос жизни или смерти для них в провозглашении или непроевозглашении той простой правды, что всякому человеку, такому ж, как все другие, обладающему разумом и способностью любви, нет никакой надобности отдаться на год в рабство чуждым ему людям и под их руководством учиться убивать и убивать тех людей, которых ему велят убивать, и не только нет никакой надобности, что дело это самое преступное, противное самой не чуткой совести и, кроме того, самое вредное для того, кто соглашается его делать, а также и для всех его братьев.

Вот это-то пробуждающееся сознание, а никак не социализм, страшен правительствам и капиталистам. Социализм же, парламентаризм и всякие конгрессы, напротив, полезны правительствам и капиталистам: все эти учреждения со своими сложными разглагольствованиами, спорами, самым действительным способом скрывают от людей главную

причину того зла, против которого они будто бы борются.

Да, люди нашего, так называемого христианского мира все живут только суевериями: суеверие церковей, суеверие государства, суеверие науки, суеверие устройства, суеверие патриотизма, суеверие искусства, суеверие прогресса, суеверие социализма. Оно и не может быть иначе: когда нет веры, не могут не быть суеверия. А веры нет. Христианский мир пережил христианство в тех грубых формах, в которых оно выразилось и выражается в католицизме, ортодоксии, протестантстве. И это бы ничего, если бы люди поняли, что так как им нужна религия, и они пережили церковное христианство, которое уже не отвечает их требованиям, то им надо все силы употребить на то, чтобы найти те разумные основы жизни, на которых бы они могли основать свою жизнь. Но к несчастью в нашем христианском мире случилось нечто скрывшее и скрывающее от людей их бедственное положение -- скрывающее на время, потому что это бедственное положение отрезвит людей – случилось то, что вместо того, чтобы, потеряв главную основу жизни – религию, все силы направить на установление тех религиозных основ, без которых никогда не жило и не может жить человечество, наш европейский так называемый образованный мир очень обрадовался тому, что нет религии, и решил, что её совсем и не нужно, что мы давно уже стоим выше этих грубых суеверий каких-то религиозных учений. «Это диким,

432

которые ездили на волах, нужна была религия, а мы гораздо выше этого. У нас есть прогресс, эволюция, теория атомов, эфир, радиий. Не только nous faisons des 60 à l'heure [*франц.*: мы делаем 60 в час], но перелетели через Альпы, ездим под водой, синематограф, телефоны, граммофоны, беспро-волочный телеграф. Чего же ещё?

То же, что есть миллиардёры, не знающие куда поместить свои капиталы, и миллионы безработных рабочих, которые как милости ждут работы, и что 13 миллиардов ежегодно тратится на вооружения и миллионы людей стоят под ружьём, всякую минуту по воле нескольких людей могущие начинать убивать друг друга сотнями тысяч, всё это не важно, потому что все это устраняется тем социализмом и конгрессами мира, которыми мы усердно занимаемся. Какая же тут религия? Смешно даже при той высокой степени нашего развития говорить о таких устарелых глупостях».

Да, поразительно одурение нашего, так называемого образованного мира!

Так что в конце концов *der langen Rede kurzer Sinn* [нем.: краткий смысл длинных рассуждений] следующий. Вам, молодым людям, людям 20 столетия, людям будущего, если вы точно хотите исполнить своё высшее человеческое назначение, надо прежде всего освободиться, во 1-х, от суеверия о том, что вы знаете, в какую форму должно сложиться человеческое общество будущего, во 2-х, от суеверия патриотизма, чешского или славянского, в 3-х, от суеверия науки, т.е. слепого доверия всему тому, что вам передают под фирмой научной истины, в том числе и разные экономические и социалистические теории, в 4-х, от главного суеверия, источника всех зол нашего времени, о том, что религия отжила своё время, а есть дело прошлого. Освободившись же от этих суеверий, вам надо прежде всего постараться изучить всё то, что в области определения истинных основ, религиозных основ жизни сделано всеми величайшими мыслителями мира, и, усвоив разумное, религиозное мировоззрение, исполнять его требования не для того, чтобы достигнуть вами или кем бы то ни было определённой цели, а для того, чтобы исполнить своё назначение человека, несомненно ведущее к неведомой нам, но несомненно благой цели.
